

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В 11 ГОРОДАХ

Пол КАРТЛЕДЖ

ОТ МИКЕН ДО ВИЗАНТИИ

Пол Картледж
История Древней Греции в 11 городах
Серия «Страницы истории (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6995516

Пол Картледж. История Древней Греции в 11 городах: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080229-6

Оригинал: PaulCartledge, "Ancient Greece: A History in Eleven Cities"

Перевод:

Е. А. Семенова

Антон Викторович Короленков

Аннотация

Афины, Спарта, Милет, Сиракузы, а также другие греческие полисы...

Через историю 11 крупнейших городов-государств, рассеянных по трем континентам, автор показывает нам всю историю великой Эллады в ее политическом, культурном, экономическом и военном многообразии.

Содержание

Предисловие	5
Благодарности	6
Греческие денежные единицы и меры длины	7
I. Деньги	7
II. Меры длины	8
Введение	9
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Часть вторая	22
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пол Картледж

История Древней Греции в 11 городах

Посвящается сотрудникам правления Фонда А. Дж. Левентиса

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пол Картледж – один из ведущих мировых специалистов по истории Древней Греции, преподаватель Кембриджского университета.

Предисловие

Нелегко в рамках небольшой книги хоть в какой-то мере воздать должное Древней Греции, которая представляла собой смешанную цивилизацию или культуру примерно 1000 городов отдельных и зачастую чрезвычайно своеобразных политических образований в различные моменты античной истории, к тому же разбросанных на пространстве от Южной Испании до черноморского побережья нынешней Грузии. (Музей «Фитцвильям» в Кембридже в 2008 г. предоставил свои залы для выставки исключительно изысканных предметов преимущественно греческого изготовления, обнаруженных во время раскопок в Вани (Грузия), соединенной с организованной самим музеем выставкой монет со всего Средиземноморья.)

Для удобства читателя я включил в книгу аннотированный именной указатель, словарь терминов, хронологическую таблицу, а также пояснения по поводу написания греческих слов и имен, греческих денежных единиц и мер длины. Однако я должен также привлечь внимание читателей к «Кембриджской иллюстрированной истории Древней Греции». Как и в нашей книге, в ней сочетаются тематический и хронологический подходы, рассмотрены вопросы развития общества, экономики, религии, культуры наряду с политической, военной и дипломатической историей, но формат ее в отличие от предлагаемой книги совершенно не годится для того, чтобы ее можно было возить с собой в кармане и читать в поезде, автобусе или самолете. Я надеюсь, что она окажется полезной для читателей этой книги – как и для меня, когда я писал ее.

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить моих коллег по работе над «Кембриджской историей Древней Греции»: Сью Элкок (ныне работает в Брауновском университете), Ника Фишера (университет Уэльса, Кардифф), Мэрилин Кац (Уэслианский университет), Эдит Хэлл (ныне работает в Королевском университете Холлоуэй, Лондон), Карима Арафата (Лондонский королевский колледж), Кэтрин Морган (ныне директор Британской школы в Афинах), Лесли Дин-Джонса (Техасский университет, Остин) и Ричарда Бакстона (университет Бристоля); а также других коллег и друзей, живущих в Европе (особенно в Греции), Африке, Америке – как Северной, так и Южной, – Австралии и Японии, которые так или иначе способствовали созданию предлагаемой работы. Не имея возможности назвать всех поименно, ибо их слишком много, особо упомяну все же еще двоих: Роберта Гарланда (Колгейтский университет) и Полли Лоу (Манчестерский университет), которые в чрезвычайно короткие сроки прочитали и со знанием дела прокомментировали текст на завершающей стадии. Не могу также забыть и «анонимного читателя» в издательстве, который избавил меня от серьезных трудностей. Если бы не их доброжелательность и дружеская поддержка, эта книга увидела бы свет в куда менее доработанном виде, нежели получилось в итоге. Кроме того, я счастлив писать в то время, когда изучение Древней Греции переживает значительный подъем и (это не менее важно) когда писать для более широкой аудитории, нежели несколько специалистов, является скорее приятным долгом, чем обязанностью.

В том же контексте борьбы за выход к широкому читателю мне оказали высокую честь, обеспечив мое постоянное пребывание в профессорской должности на классическом факультете Кембриджского университета в рамках программы «A. G. Leventis Professorship of Greek Culture» (решение вступило в силу с 1 октября 2008 г.). Эта книга является одним из первых результатов сего благотворительного акта, и она посвящена, в духе неизъяснимой *kharis*¹, уполномоченным Фонда Левентиса.

---

¹ Услуга, милость, зд. – расположение (др.-греч.).

Греческие денежные единицы и меры длины

I. Деньги

6 обол = 1 драхма

2 драхмы-1 статер (дословно «весы»)

100 драхм = 1 мина (или мна) [слово вавилонского происхождения]

60 мин = 1 талант (слово того же происхождения)

Заметим, во-первых, что ценность монет, чеканившихся с конца VII в. до н.э. из электрума, золота, серебра или бронзы, зависела от их веса и что разные города пользовались разными весовыми стандартами, часто их устанавливали другие города. Во-вторых, хотя и невозможно напрямую переводить вес/стоимость античных денег в современные валютные эквиваленты, полезно знать, что среднесуточная оплата труда ремесленника в V и IV вв. до н.э. колебалась от 1 до 2,5 драхм и что было установлено примерное равенство между суточной ставкой оплаты труда ремесленника и жалованьем, которое выдавалось гражданам в демократических Афинах за участие в работе народного собрания в 390–320 гг. до н.э. Ежедневная стоимость жизни для семьи из четырех человек в Афинах V в. до н.э. колебалась от 2,5 до 6 обол. Третье: в конце VI в. до н.э. произошли небольшие изменения: монеты мельче серебряных обол стали чеканиться монетными дворами, в том числе таких городов, как Колофон, Эгина, Менд и Абдера; они могли использоваться при оплате за керамические изделия, внесении требуемых законом штрафов и как вступительные взносы для членов культовых сообществ при совершении религиозных обрядов. Куда менее ценные бронзовые монеты в большом количестве не чеканились до конца V в. до н.э. К этому времени выпуск золотой монеты греческими городами являлся признаком критического положения – в отличие от Персидской державы, где это было обычным делом, представляя собой мощное средство как в дипломатии, так и в торговле.

II. Меры длины

1 стадий = 600 «стопам» или примерно 200 метрам (на практике обычно он был меньше; так, олимпийский стадий равнялся приблизительно 192 метрам)².

И вновь следует заметить, что разные города по-разному определяли размер «стопы», лежавшей в основе мер длины.

Карта №1. Греция и Эгейский мир

² Аттический стадий был равен 177,6 м. – Примеч. пер.

Введение

Полис представляет собой греческий вариант города-государства, и сеть более чем из 1000 полисов образовала крупнейшую культуру городов-государств в мировой истории, как в географическом, так и в демографическом отношении.

Моргенс Херман Хансен. Полис

Главная задача этой небольшой книги (бревиария, а не эпитомы) – дать удобочитаемое введение в сложную, многообразную и изменчивую историю древнегреческой цивилизации, возбуждающее как можно больший интерес к ней, но безо всякого упрощения и сюсюканья. Я рассматриваю греческую историю и цивилизацию в широком этническом и хронологическом контексте, со времен первых свидетельств об использовании греческого языка ок. 1400 г. до н.э. в Кноссе до основания Византийской империи (постантичной, как я покажу в этой книге), центром которой являлся Константинополь (бывший Византий), примерно в 330 г.

Чтобы воссоздать в рамках небольшой книги столь огромный мир, простиравшийся от Черного моря до Испании и просуществовавший столь долгое время, я сосредоточил свое внимание на одиннадцати крупных греческих городах, чья история позволяет с разных сторон осветить то, что представляется мне наиболее важными и содержательными сторонами греческой тематики: политику, торговлю, путешествия, рабство, отношения полов, религию, философию, историографию и среди прочего – роль выдающихся личностей. В ходе повествования я буду также обращать внимание на то, как реконструируется история Древней Греции, то есть на природу доступных свидетельств, современных и не современных событиям, письменных и прочих, и т.д.; и как профессиональные ученые и другие авторы используют, могут или должны наилучшим образом использовать эти свидетельства.

Если бы меня попросили дополнительно уточнить определение «Древняя Греция», то я бы рассматривал ее как цивилизацию городов. Слово «цивилизация» восходит к латинскому *civitas*, «общество»³, от которого также происходит английское слово «город» (*city*). Однако не римляне первыми начали развивать городскую цивилизацию, «урбанизацию» (*citification*) культуры. Им предшествовали в этом греки наряду с этрусками в Италии и финикийцами из нынешнего Ливана. В самом деле, при более широком понимании термина «город» первые следы цивилизации в урбанистическом смысле можно обнаружить еще в III или даже IV тысячелетии до н.э., в цивилизации Междуречья в Верхней и Нижней Месопотамии (современный Ирак). Однако здесь я хотел бы уточнить, что понятие «город» обладает количественным и качественным содержанием, подразумевая собой тип самоуправляющегося геополитического пространства, сочетающего в себе город и село в рамках динамического симбиоза.

Сегодня, если исходить из более или менее принятого определения термина «город», в них проживает более половины населения земного шара. И впрямь, некоторые мегаполисы – Токио, Нью-Йорк – имеют внутренний валовой продукт, подобный по своим масштабам ВВП целых стран (Испании, Канады)... В том греческом мире, который я имею в виду, ситуация была совершенно иной. Не менее 90 процентов населения постоянно проживало именно в сельской местности, противопоставленной тому, что можно считать городом. Можно сказать и наоборот: отнюдь не все греки обязательно жили в городах. Даже в весьма урбанизированных Афинах большинство афинян в конце V в. до н.э., как сообщает Фуки-

---

³ Точнее, сообщество граждан, полисная община. Существовал и другой термин для обозначения общества – *societas*, от которого берет начало английское *society*. – *Примеч. пер.*

дид, обитали в деревне⁴. Тем не менее – и это объясняет мое решение рассмотреть историю Греции на примере одиннадцати городов – типичный, определяющий способ социального сосуществования греков в течение четырнадцати столетий или что-то около того, которые освещаются здесь, был тем, что сами греки называли *polis*. Как гласит знаменитое определение в аристотелевской «Политике» (то есть «Дела, касающиеся полиса»), человек – человечество – «животное политическое», в строгом смысле живого организма, самой природой приуроченного для того, чтобы реализовывать свой потенциал в рамках (и только в рамках!) политической структуры полиса.

В сущности, «полис» – одно из самых употребительных у древних греков существительных, занимающее 39-е место в списке наиболее часто встречающихся 2000 греческих слов. Оно опережает в этом смысле такие существительные, как *anér* («мужчина» в гендерном смысле) и *theos* («бог»). Можно указать не менее четырех его значений, из которых два – «город» (понимаемый как пространство в центре города) и «государство» – являются наиболее важными для нас. В контексте нашего разговора стоит учесть, что, хотя большинство населения проживало скорее в маленьких городах или деревнях (на территории хоры, или сельской местности), нежели в крупных городских центрах, мужчины из числа свободных, активная творческая часть эллинства, являлись полноправными членами политических сообществ, также называвшихся полисами, что лучше всего перевести на наш язык как «государство граждан». И именно в крупных урбанистических центрах, городах в более узком политическом смысле, это коллективное самоуправление нашло наиболее яркое воплощение. Именно в таком смысле греческий полис являлся тем, что дало жизнь слову «политика» и родственным ему, и это была та черта греческой цивилизации, которая породила понятия «аристократия», «олигархия», «тирания» и – последнее по порядку, но не по значимости – «демократия», которая стала одной из распространенных и устойчивых особенностей Древней Греции.

Важно с самого начала четко усвоить, что в древности и в помине не было ничего подобного национальному государству под названием «Греция», но только, как мы увидим, сеть греческих городов и другого рода поселений, связанных чувством общей культуры, наиболее ярко выражавшегося, как мы сегодня сказали бы, религиозными средствами. Геродот, первый из тех, кто может по праву называться историком, вложил в уста афинского оратора следующее определение эллинства, адресованное к спартанцам, союзникам Афин, в критический момент решительного противостояния между греками и «варварами» (то есть негреками) персами зимой 480/79 г. до н.э.:

«...наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни, предать все это – позор для афинян»⁵.

Это рассуждение придумал Геродот, и оно подразумевает осознанное единение, которое крайне редко можно было наблюдать в политике в отличие от культурной жизни. Красноречивое отсутствие ссылок на какое-либо единство в этом впечатляющем определении панэллинской (общегреческой) идентичности говорит само за себя. И впрямь показательно, что речь шла именно об отсутствии национального государства или, если использовать позитивное суждение, в высшей степени индивидуалистической природе греческого полиса, которая придала эллинской цивилизации ее неповторимый характер. Почему различные гре-

⁴ Речь, конечно, идет не о самих Афинах, а об Аттике, центром которой они являлись. – *Примеч. пер.*

⁵ Геродот. История. VIII. 144. Пер. Г.А. Стратановского. В английском переводе А. Первиса, который цитирует автор, сказано «не пристало афинянам быть предателями греческого народа», однако в тексте подлинника слова «греческого народа» отсутствуют. – *Примеч. пер.*

ческие полисы возникали или создавались, и чем они отличались от более ранних городов, будет подробнее рассмотрено в последующих главах.

В любое время второй половины I тыс. до н.э. и первых трех веков н.э. существовало примерно 1000 или около того отдельных организмов которое можно назвать словом «полис». Мы знаем и можем утверждать это с уверенностью благодаря десятилетним исследованиям Копенгагенского центра по изучению полиса под руководством неподражаемого Моргенса Хермана Хансена. Выбор именно одиннадцати городов из этой тысячи обусловлен решением Радаманта (сын Зевса и Европы, брат Миноса: см. первую главу). Свою роль сыграли различные факторы и мотивы. Я хотел включить островной город – или город на греческом острове, или город, который являлся единственным полисом на греческом острове. Рассказом о Кноссе я покончил с Критом. Хотел рассмотреть наиболее крупные районы центра эгейской Греции или сердцевины Эллады: соответственно я выбрал три города с «острова Пелопса», или Пелопоннеса (Микены, Аргос и Спарта), два – из центра Эллады (Афины и Фивы), один из «Восточной Греции», то есть западного побережья Анатолии, или, как ее еще называют, Малой Азии (Милет), и один, являвшийся мостом между Западом и Востоком, евразийский город Византий (позднее Константинополь, ныне Стамбул). Кроме того, очень важно, чтобы оказалась должным образом представлена греческая «колониальная» диаспора – поэтому выбор пал на Массалию, современный Марсель (основан жителями малоазийского города), Сиракузы (основаны жителями пелопоннесского города) и Византий (основан жителями города из Центральной Греции); в сущности, они были не собственно колониями в нашем смысле (греческое «апойкия» дословно означает «дом из дома»), однако такая терминология уже стала общепринятой. Наконец, я хотел представить новый, пост-классический эллинистический мир, созданный в результате завоеваний Александра Великого и прославленный в конце XIX и начале XX столетия моим любимым новогреческим поэтом К. П. Кавафисом – какой выбор мог быть лучше, нежели в пользу родного города самого Кавафиса – Александрии Египетской, основанной доподлинно самим Александром (чего нельзя сказать о других Александриях)?

Конечно, я вынужден огорчить читателя: почему ничего не сказано ни об одном из городов материковой Греции к северу от Фив (Абдера – родина Протагора и Демокрита, например)? Или Причерноморья – скажем, Ольвии? Или Северной Африки к западу от Александрии (очевидный кандидат – Кирена)? Почему не другие города Пелопоннеса – Коринф, Мессена или Мегалополис? Список можно продолжить, и в каждом случае у меня были свои причины, чтобы исключить тот или иной город, прежде всего недостаток добротных или по крайней мере еще и освещающих достаточно продолжительный отрезок времени современных событиям аутентичных свидетельств. Но по крайней мере один из названных только что городов существует до сих пор⁶, как и основанная им колония Сиракузы. И я хотел бы надеяться восполнить хотя бы некоторые из этих вынужденных пробелов и умолчаний другими стимулирующими способами.

⁶ Имеется в виду Коринф. – *Примеч. пер.*

Часть первая

Предыстория

Глава 1

Кносс

*И каждый раз все идут, и идут,
И идут корабли из Кносса.*

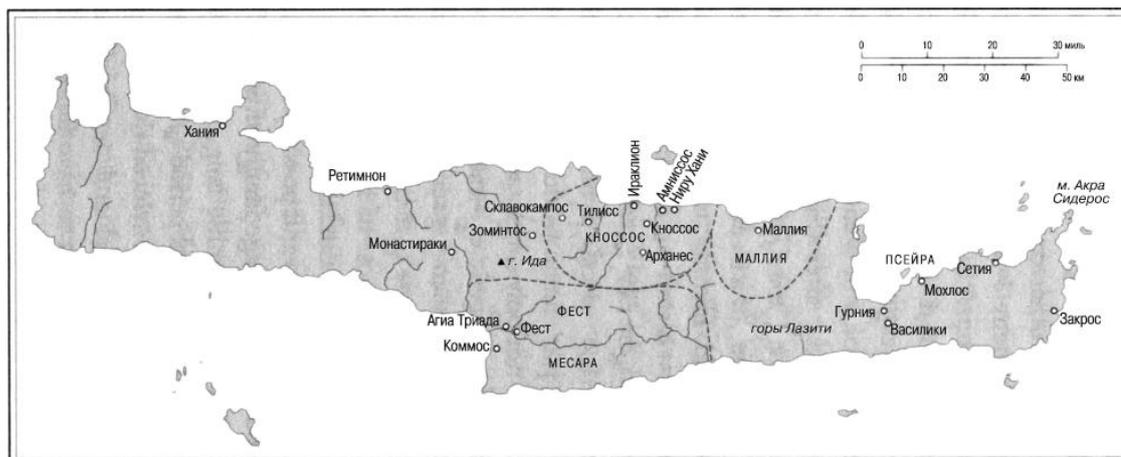
Д. Г. Лоуренс. Греки идут

В 2008 г. Общественный благотворительный фонд Александра С. Онассиса организовал как всегда роскошную и познавательную выставку в своей штаб-квартире в деловом районе Манхэттена. Организаторы назвали ее «Первая дворцовая цивилизация Европы: Миноийский Крит, 3000-1100 гг. до н.э.». Более 200 объектов на экране приковывали к себе внимание аудитории – фрагменты настенной росписи, великолепные ювелирные изделия и статуэтки из различных металлов, сосуды и подношения для церемоний, каменные печати, керамика, инструменты, следы приготовления пищи, таблички с надписями. Что же касается последних, то именно 3000-4000 табличек с силлабическим «линейным письмом Б», найденных в кносском дворце и датированных ок. 1400 г. до н.э., обеспечили городу Кноссу выигрышную позицию в начале нашего рассказа о греческих городах. В 1952 г. архитектор и дешифровщик Майкл Вентрис, которому серьезно помогал эллинист из Кембриджского университета Джон Чедвик, объявил изумленному миру, что «линейное письмо Б», непохожее на своего предшественника, до сих пор не расшифрованное «линейное письмо А», является наиболее ранней формой греческого языка (а не, например, этрусского, до сих пор не прочитанного)⁷. Тем самым Вентрис и Чедвик продлили более чем на тысячелетие историю этого языка и позволили совершенно по-новому осмыслить то, что, с точки зрения историков, является последним этапом греческой праистории, который на языке археологов называется поздним бронзовым веком.

Почти столь же волнующее впечатление производило название выставки – организаторы с истинно греческой тягой к «знаменитым первым» широковещательно обозначили эпоху раннего, среднего и позднего бронзового века на Крите как «первую дворцовую цивилизацию Европы». Действительно, Крит – остров, чья особенность во многом состоит именно в том, что он не принадлежит в географическом отношении к европейскому континенту, но лежит примерно на равном расстоянии между Южной Грецией и Северной Африкой, и через него проходили торговые и миграционные пути из Восточного Средиземноморья (современный Ближний, или Средний Восток) в Грецию, Египет и более отдаленные края на западе. Кроме того, флора и фауна острова отражают его положение между тремя континентами – Европой, Азией и Африкой, в результате чего он представляет собой один из наиболее привлекательных из всех сопредельных греческих областей для современных туристов.

---

⁷ Это не совсем так – хотя этрусское письмо не расшифровано полностью, однако значительная часть выполненных на нем надписей уже поддается прочтению целиком или частично. – *Примеч. пер.*

Карта №2. Крит бронзового века (*Scientific American. Специальный выпуск 'Ancient Cities' 1994. P. 48*)

То, что бронзовый век на Крите был эпохой «дворцовой» цивилизации, сомнений не вызывает, хотя первые дворцы – в Кноссе и четырех других центрах, растянувшихся по линии в 160 километров поперек острова (это третий по величине остров Средиземноморья после Кипра и Сицилии) – возникли скорее около 2000-го, нежели 3000 г. до н.э. Но то, что эта цивилизация действительно греческая, доказали только Вентрис и Чедвик более полувека спустя после того, как сэр Артур Эванс (1851–1941), начавший раскопки в Кноссе, назвал ее минойской в честь критского царя Миноса из греческих легенд значительно более позднего времени. Геродот, заслуживший титул первого историка в мире, очень сомневался, существовал ли Минос на самом деле, поскольку тот не принадлежал к «так называемому поколению людей», противопоставлявшемуся дочеловеческому миру мифов и легенд. Однако Эванс был не только чрезвычайно богатым человеком и целеустремленным и энергичным археологом, но также и одаренным публицистом, и его слово «минойский» стало служить для гуманизации и эллинизации культуры, которая была не только догреческой по своим корням, но большую часть времени своего существования также и негреческой. Ибо «линейное письмо А», какой бы язык оно ни передавало, принадлежало явно не к индоевропейской языковой семье, к которой относится и греческий, а к семитской. Наиболее поздние греческие историки – Геродот здесь главное исключение – не сомневались ни в том, что легендарный эпоним Минос был исторической личностью, ни в том, что он был греком. В самом деле считали, что он выступил в столь характерной для ранних правителей роли законодателя. Это до некоторой степени походило на правду, поскольку исторический Крит⁸, знаменитый своими ста городами (в действительности их было гораздо меньше), славился числом созданных там законов и их творцов – здесь прежде всего упоминается критский город Гортина (см. ниже). Однако сегодня нам следует проявлять большую осторожность, прежде чем смело принимать мнение Эванса, как и древних греков, о том, что Минос, протогреческий аналог вполне реального вавилонского законодателя Хаммурапи (начало XVIII в. до н.э.), действительно существовал.

Для нас Минос представляет интерес прежде всего потому, что является героем одного из самых плодотворных и обретших долгую жизнь изобретений греческого интеллекта – мифа. Это правда, что некоторые мифы (греческое слово *mythoi* в целом означает «повествование», в данном случае фольклорно-эпическое) могли содержать в себе историческое

⁸ Под историческим периодом автор понимает не период государственности, как это имеет место в отечественной науке, а период, обеспеченный источниками, где более или менее связно и достоверно излагается история соответствующего государства. – *Примеч. пер.*

зерно, скрытое где-то в глубине тех времен, когда они зародились. Однако не из-за отношения к историческим фактам народные сказки становятся мифами и выполняют разнообразные функции – объясняют сотворение и устройство мира или легитимируют политическую власть, например, – мифам присущие. Практические функции мифов обычно намного весомее, нежели точное соответствие исторической истине (очень незначительное или вообще нулевое). Таким образом, хотя составители греческого хронографа, известного под названием Паросского мрамора (написан в 260-х гг. до н.э. на камне, найденном на Паросе – острове, входящем в состав Кикладского архипелага), включили правление Миноса в список дат греческой истории между (по нашему летосчислению) 1582 и 264/3 гг. до н.э., нам куда лучше придерживаться скептического взгляда Геродота, о котором говорилось выше, и рассматривать Миноса (плод похищения Зевсом в облике быка финикийской царевны Европы) и связываемую с ним талассократию как нечто не более историческое и не менее мифическое, нежели Минотавр (потомство жены Миноса Пасифаи и быка – периодически повторяющийся мотив быка).

В лучшем случае мы можем говорить об «истории-мифе», когда речь идет о позднем бронзовом веке на Крите, – то же касается и остальной Греции (несмотря на кажущуюся историчность гомеровских поэм, как мы увидим это в следующей главе). История-миф, дополняемый или корректируемый «немыми», но, как правило, объективными данными археологии, – это все, чем мы располагаем, чтобы воссоздать по крайней мере семь столетий или около того (ок. 1500– 800 гг. до н.э.) засвидетельствованной в источниках активности греков. И первое, что мы наблюдаем, – это различия, конкретно – между предысторическим греческим и негреческим дворцом и историческим греческим полисом подобны непреодолимой пропасти, как в материальном и идеологическом отношении, так и в более узком смысле, в области политической культуры.

Критский дворец эпохи поздней бронзы (кносский занимал площадь примерно в 750 квадратных метров) функционировал как политический и церемониальный центр, являясь символом власти, которую осуществлял своего рода властитель или верховный вождь, «большой человек» (вероятнее, именно он, нежели царица), который – по крайней мере при правлении греков – мог назваться анаксом (*anax*), или владыкой. Однако были и другие видные и влиятельные люди, жившие поблизости в так называемых особняках, построенных из отлично обработанного и плотно пригнанного тесаного камня, как и сам дворец. В экономическом отношении кносский дворец выполнял роль центра распределения и хранения, способный, по последним оценкам, обеспечивать 14–18 тысяч человек (эти цифры представляются куда более правдоподобными, нежели 80–100 тысяч, как то казалось Эвансу). Эта по сути своей аграрная система (благодаря климату, который за прошедшие три тысячелетия мало изменился) в основном производила три пищевых продукта: зерно (преимущественно ячмень, поскольку он весьма засухоустойчив, а также разные сорта пшеницы и некоторые менее значимые культуры, такие, как просо), вино (критские почва и климат еще и теперь знамениты тем, что очень подходят для виноградарства) и масло, то есть оливковое (дитто). С учетом вместимости сосудов в западном крыле дворца выходит, что для их наполнения требовалось как минимум 32 000 оливковых деревьев, растущих на территории площадью в 320 гектаров. Но три этих продукта существенно дополнялись кориандром, шафраном и – по крайней мере если исходить из данных «линейного письма Б» – хорошо развитым овцеводством для получения шерсти. И производство внутри страны сочеталось с мощной сетью торговых связей, простиравшихся на юг до Египта, Кикладских островов и Пелопоннеского полуострова на севере и до Леванта, опосредованной сложной системой весов и поддерживаемой особым искусством критских ремесленников. Нигде не проявилось оно столь ярко, как в изготовлении крохотных печатей, обработке полудрагоценных камней и золотых колец, где были выгравированы сцены из повседневной жизни и религиозных ритуалов.

Упомянутая триада сформировалась в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н.э.), время «возникновения цивилизации» (если использовать изящное, не раскрывающее до конца сути вопроса определение Колина Ренфрю). Поэтому если под цивилизацией понимать урбанизацию, то говорить о превращении Кносса в город следует применительно к периоду около 2000 г. до н.э. Бросается в глаза, однако, что не только у Кносса, но и у других современных ему дворцов и других крупных населенных пунктов городских центров нет городских стен. В сравнительном отношении больше всего обращает на себя внимание отсутствие на Крите мощных фортификационных сооружений, которые отличали континентальную Грецию и были ее особенностью. Такие сооружения были известны грекам более поздних времен как «циклопические», поскольку они думали, что только гиганты, подобные гомеровским циклопам, могли построить их.

Это не означает, что критяне того времени вообще не совершали каких-либо актов агрессии, не говоря уже о массовом кровопролитии. Следы того, что очень похоже на леденящие душу человеческие жертвоприношения, были обнаружены на востоке Крита и недалеко от самого Кносса. Однако даже если оставить в стороне кровавые исключения, все равно организация критянами эпохи поздней бронзы чего-то вроде сети «колоний» или по крайней мере торговых форпостов, протянувшихся от Эгеиды до Египта, таких, как Кастри, на небольшом прибрежном острове Кифера, совершенно не похожа на то, чего можно достигнуть с помощью одного только миролюбия. И действительно, знаменитые фрески из древнегреческого аналога Помпей, современного Акротири на одном из островов Кикладского архипелага – Санторине (древняя Фера), датируемых временем до масштабных разрушений на острове в результате извержения вулкана в 1620 г. до н.э., показывают, что должен был представлять собой минойский военный флот в действии. Однако дома, на Крите и конкретно в Кноссе, по-видимому, имели место узаконенные формы социальной активности, отличавшиеся особой жестокостью – прыжки через быка (именно прыжки, а не убийство быков, как у испанцев), как это виртуозно изображено на различных произведениях искусства, в том числе и фресках. На великолепной золотой чаше, находившейся в обширном захоронении в Вафии на юго-востоке Пелопоннеса и датируемой примерно 1250 г. до н.э., можно видеть быков, окруженных как раз с этой целью. С учетом таких свидетельств было бы странно отрицать, что это на Крите практиковалась своего рода форма почитания быков, предусматривавшая наличие церемониальных площадок и, несомненно, применение того, что археологи называют «вотивными рогами».

На фоне этого внешнего пацифизма (если можно здесь употребить такое слово) происходил насильственный переход власти от коренных критян к иноземцам в Кноссе около 1450 г. до н.э. – следы его очень явственны, он засвидетельствован, в частности, рядом неожиданных и ничем не объяснимых «военных захоронений», где обнаружено много бронзового вооружения. То, что теперь известно как «последдворцовый период на Крите», с экономической точки зрения лучше всего объяснить как результат завоевания, и наименее противоречивым является предположение, основанное на особенностях языка и палеографии текстов «линейного письма Б», что завоевателями стали люди из материковой Греции, главным образом с Пелопоннеса, говорившие на греческом языке.

Следует отметить, что по вопросу о датировке табличек кносского «линейного письма Б» разгорелись жаркие споры. Хотя Эванс уделял немалое внимание стратиграфии (новое на тот момент понятие), то, что он подгонял рабочих, стимулируя их материально, уже само по себе никак не способствовало скрупулезному изучению археологических слоев и препятствовало ретроспективной «расшифровке» археологических данных, добытых из различных слоев. В 1960-х гг. моему бывшему научному руководителю при написании докторской диссертации в Оксфорде Джону Бордмену пришлось упорно отстаивать научную компетентность и честь Эванса, датировавшего кноссские таблички временем ок. 1400 г. до н.э., в споре

с решительно возражавшим ему филологом Л. Р. Палмером, который относил их к более позднему времени – ок. 1200 г. до н.э. (приблизительная датировка всех прочих известных экземпляров из материковой Греции и из других мест на Крите). Защита Бордменом точки зрения Эванса была признана всеми вполне успешной – во всяком случае, намного более успешной, нежели оборона самого Кносса от завоевателей с Балканского полуострова.

Эти завоеватели известны историкам как микенцы (даже если история и не знала их под этим именем), и им будет посвящена следующая глава. Но сначала бросим взгляд на Кносс. Политический расцвет Кносса (и Крита) падает на предысторический бронзовый век, однако «темные века» и период архаики (с XI по IX и с VII по VI столетия до н.э.)⁹ ни в коей мере не стали бесплодными в культурном отношении, и на острове, согласно традиции, как грибы стали возникать полисы (*poleis*). Согласно же другой традиции, лучше обоснованной и подкрепленной, Крит являлся страной законодателей и законов. Наглядные примеры у нас есть благодаря раскопкам агоры Дрера и относящемуся к концу VII в. до н.э. закону, начертанному на бронзе, из того же самого маленького города на востоке Крита.

В более поздние исторические времена Кносс возродился уже как греческий город, где существовал весьма важный культ богини плодородия Деметры. Среди относительно большого числа критских эпиграфических документов V в. до н.э. (наиболее знаменитый из них – свод законов из Гортины, что в центре Крита, начертанный на стенах храма ок. 450 г. до н.э.) есть фрагментированный текст примерно того же времени из святилища Артемиды в Тилиссе, согласно которому не только с Тилиссом, но и с Аргосом на Пелопоннесе (о нем идет речь в четвертой главе) Кносс связывал детально проработанный комплексный договор, затрагивавший среди других вопросов распределение военной добычи. Одно возможное объяснение для участия Аргоса в этом соглашении состоит в том, что этот город, как сообщают (и, вероятно, так оно и было на самом деле), основал две других колонии в эпоху «темных веков», в XI – X вв. до н.э. (точнее время неизвестно), сам же Аргос в данное время являлся дорийским городом. Во всяком случае, как это следует из анахроничного упоминания у Гомера, ко времени классики Крит был колонизован заново – на сей раз преимущественно говорившими на дорийском диалекте греческого языка иммигрантами (совершенно не обязательно завоевателями), которые пришли, чтобы остаться здесь.

Последующий расцвет Кносса продолжался. Возможно, до самого римского завоевания, оккупации и превращения острова в провинцию после 146 г. до н.э.¹⁰ Говорят даже об «имперском ренессансе» в римскую эпоху. Однако то, что могут здесь увидеть сегодня туристы – «опера, поставленная в дождливый вечер», как охарактеризовал это кто-то при мне, – по большей части продукт воображения сэра Артура Эванса.

⁹ VIII в. до н.э., обычно считающийся началом эпохи архаики, автор выделяет в самостоятельный «геометрический» период (см. ниже). – *Примеч. пер.*

¹⁰ В историографии принято мнение, что Крит, чьи порты, кстати, являлись базой для пиратов, был превращен в римскую провинцию в 74 г. до н.э. – *Примеч. пер.*

Глава 2 Микены

Они прилепили маски к нашим лицам, трагические или комические. У нас нет зеркал, чтобы увидеть себя в них.

Октай Рифат. Агамемнон

«Я смотрел в лицо Агамемнону» – так можно было бы кратко и броско передать суть сообщения, отправленного по телеграфу в греческие газеты в ноябре 1876 г. воодушевленным и глубоко ошибавшимся Генрихом Шлиманом, «сделавшим себя» прусским миллионером и предпринимателем, превратившимся таким же способом в «раскопщика»¹¹. Для любителя, влекомого честолюбивым желанием отыскать прототипов гомеровских персонажей, ошибка была неизбежной. Микены эпической «Илиады» Гомера удостоились персонафицированного формульного эпитета «златообильных», и Агамемнон являлся великим царем Микен, гораздо более могущественным, нежели другие правители царского ранга, объединившиеся для того, чтобы вырвать сбившуюся с пути истинного жену Менелая, брата Агамемнона, из роковых когтей разрушителя брачных уз Париса (известен также под именем Александра), принца из царской династии Трои. Шлиман, конечно, произвел уже раскопки и здесь и потому мог с полным основанием утверждать, что обнаружил на холме Гиссарлык господствующее над Дарданеллами со стороны азиатского берега единственное место, подходящее для гомеровской Трои, – если вообще существовало точное, единое и подлинное соответствие этому легендарному «обдуваемому ветрами» городу. Однако то, что Шлиман и его греческие рабочие обнаружили в Микенах в одной из шести богатейших шахтных гробниц, находившихся в пределах много более поздних (ок. 1300 г. до н.э.) городских стен, представляло собой красивую посмертную маску взрослого мужчины с аккуратной бородой и весьма выразительным лицом. Она датируется примерно 1650 г. до н.э., то есть задолго до времени, когда произошло то, что можно считать описанной у Гомера Троянской войной.

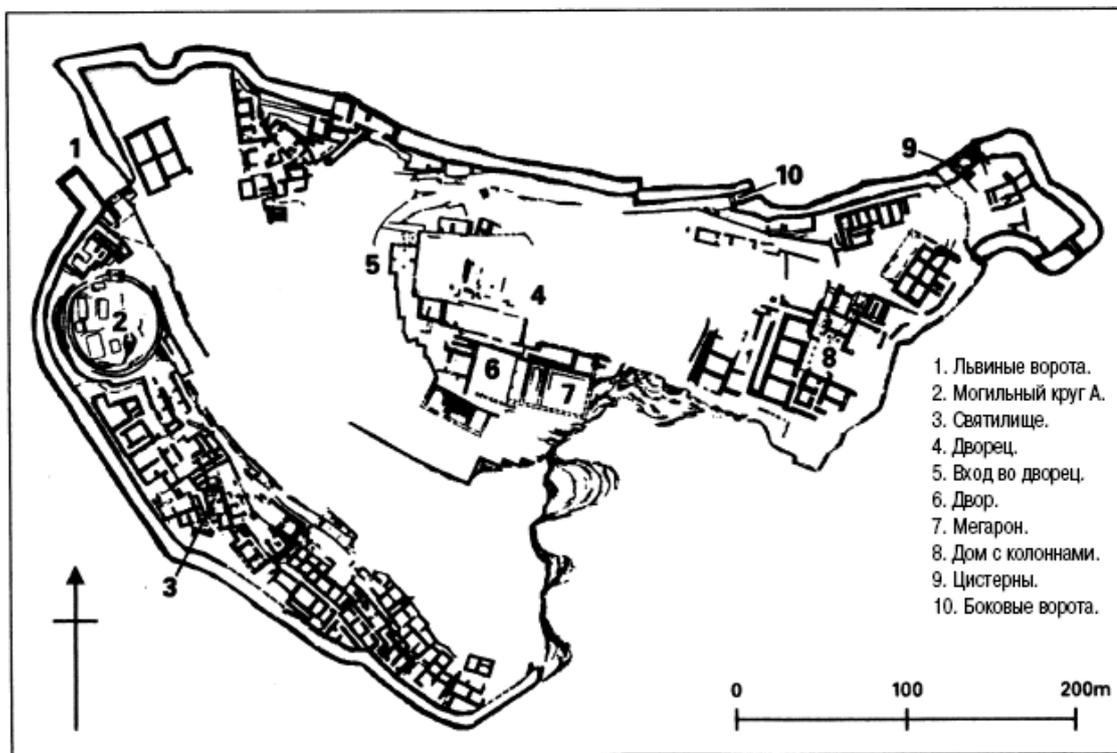
Микены были крупнейшим городом позднего бронзового века в Арголиде на северо-востоке Пелопоннесского полуострова, и достаточно трезво, точно и профессионально то, что его имя дали имя целой эре – микенской эпохе. Это произошло благодаря сочетанию археологических данных и текстов Гомера – прежде всего, конечно, результатов раскопок. Как мы уже видели, свидетельства археологии и филологии показывают, что ок. 1450 г. до н.э. грекоязычные захватчики с севера сокрушили Кносс. Эти воинские сообщества принадлежали к культуре, основой которой, как и у критской культуры эпохи поздней бронзы, являлись дворцы. Однако в то время как минойская культура выглядит чем-то сугубо мирным или по крайней мере внутренне гармоничным, правители Микен и других дворцовых центров микенской эпохи на материке к северу и югу от Коринфского перешейка¹² (Фивы, Иolk, Пилос) отличались воинственностью и любили окружать свои резиденции мощными стенами (стены Микен имеют 6 метров толщины). Были грамотны или нет сами правители, но они располагали архивами, в которых хранились документы, составленные на примитивном бюрократическом варианте греческого письма, известного под названием «линейное письмо Б» (расшифровано в 1952 г., см. предшествующую главу). Знаменитое издательство

---

¹¹ В английском тексте – «excavator», что довольно точно отражает суть археологической «деятельности» Шлимана, разрушившего остатки Илиона времен Троянской войны, которые он, собственно, и искал. – *Примеч. пер.*

¹² Другое название – Истмийский перешеек (по-английски это привело бы к тавтологии, поскольку isthmus и означает «перешеек»). – *Примеч. пер.*

«Thames & Hudson» когда-то включило книгу «Микенцы» в свою серию «Древние народы и страны» (это было рассчитанное на широкий круг читателей сочинение лорда Уильяма Тейлора). Однако микенцы не были народом в каком-либо аутентичном, органическом, засвидетельствованном в древности смысле.

Рис. 1. Цитадель Микен (основные раскопанные объекты): Gere S. *Tomb of Agamemnon*.

Profile, 2006. P. 182-183

Более того, хотя микенская цивилизация и пользовалась греческим языком, в других базовых отношениях она представляла собой форпост ближневосточной культуры, важнейшие центры которой находились в Египте, Сирии и Ираке. Впечатляющие Львиные ворота – вход в цитадель Микен – напоминают о хеттской Хатгусе или даже Вавилоне; ульеобразные на сухой кладке со ступенчатыми выступами гробницы, известные как сокровищница Атрея (отца Агамемнона) и гробница Эгиста (любownika жены Агамемнона Клитемнестры), свидетельствуют о почти египетской страсти к роскошной жизни после смерти. Украшавшие дворцы фрески показывают, что здания оглашались песнями придворных музыкантов; возможно, существовали и микенские придворные поэты или по крайней мере поэты-песенники. Однако тексты «линейного письма Б», насколько они на данный момент дешифрованы (из Фив, Тиринфа, Айс-Василиоса, Пилоса, Микен, если говорить о материке, а также из Кносса и Кании, древней Кидонии, на Крите), не содержат ни одной поэтической строки и вообще какого-либо рода литературы. Учитывая их документальную, бюрократическую функцию текущих сообщений экономических сведений, преимущественно для выполнения задач, связанных с налогами, очень маловероятно, что нечто подобное обнаружат в будущем. (Не случайно – как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло – таблички с «линейным письмом Б» сохранились: огонь, опустошивший дворцы Микен и других городов ок. 1200 г. до н.э., лишь придал им абсолютную прочность.)

Коротко говоря, микенские культура и общество представляли собой, если смотреть на них с точки зрения последующего развития Греции, фальстарт. По иронии судьбы в некотором отношении наилучшим источником по периоду между миром дворцов и миром полиса

являются те самые эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» и ряд других, известных под общим наименованием эпического цикла, которые цитируются, чтобы доказать отношения прямой непрерывной цивилизационной преемственности. Якобы и в самом деле цель эпических поэм – описать давно ушедшую, намного более высокоразвитую цивилизацию такого масштаба, какой вызывали в воображении доступные взору остатки Микен и других центров позднего бронзового века. Однако то, что греческая аудитория VIII и VII столетий до н.э. – времени, когда эпос обрел свою завершённую, монументальную форму, – представляла себе как огромный, колоссальный дворцовый истребитель, бледнеет по сравнению с тем, что имело место в действительности и было обнаружено с помощью недоступных древним грекам средств, а именно археологии, истории искусства и лингвистики. Например, аудитория Гомера, по-видимому, думала, что пятьдесят рабов – вполне подходящее и достаточно многочисленное для героических царей прошлого имущество, а в действительности в микенских дворцах XIII в. до н.э. могли находиться команды для физических работ из нескольких сотен, если не тысяч *do-er-oi* (микенский вариант классического греческого *douloi*, то есть рабов). И как уже отмечалось в предшествующей главе, греки более позднего времени не могли поверить, что массивные стены Микен были построены обычными простыми¹³ смертными.

Все это, однако, не означает, что мы напрочь отрицаем преемственность между микенской и исторической Грецией: принципиально важным является тот факт, что имена нескольких божеств олимпийского пантеона встречаются уже на табличках с «линейным письмом Б», а герои исторических мифов греков действуют в крупнейших микенских центрах. Однако микенская дворцовая религия весьма мало напоминала храмовую религию Греции исторического периода. Начнем с того, что настоящий храм богини Афины, наподобие описанного в «Илиаде», появился в Трое самое раннее в конце IX в. до н.э. И в идеологическом, и в материальном отношении признаки существования этой важнейшей структуры (*'naos'* по-гречески; святилище или священная обитель обозначалась словом *'hieron'*) прослеживаются лишь до XII в. до н.э., в то время как в Микенах центр отправления культа во дворце имел куда больше общего с частной молельней в солидном английском доме в начале Нового времени, нежели с пространством для религиозных отправления, где собиралась вся община. (Для ценителей вин: как можно предполагать на основании научного анализа органических остатков, обнаруженных в большом сосуде из Зала Фресок в находившемся внутри стен дворцовом культовом центре, участники церемонии пили вино с легким запахом сосновой смолы, возможно даже, это был прообраз современной рецины.)

Данные археологии все еще не подтвердили, что в действительности имела место десятилетняя осада Трои коалицией материковых и островных греков под предводительством великого царя Микен, – несмотря на то что Гиссарлык, место, где находился важнейший город Анатолии на Геллеспонте (Дарданеллах), имевший на востоке связи с могущественной Хеттской империей в XIII в. до н.э., несомненно, являлся гомеровской Троей – точка, притягивавшая воображение гомеровских греков. Подобным образом мысль о большой военной коалиции греков соотносится с тем обстоятельством, что между 1200 и 700 г. до н.э. они этого достичь не могли – в сущности, так никогда и не достигли, даже при Александре Великом. Как было удачно подмечено, создание эпоса и саги предполагает крушение предшествующей цивилизации, но отсюда не следует еще, что последующие произведения искусства будут исторически достоверным воспроизведением или зеркалом предполагаемого оригинала. Было сделано и другое, в высшей степени удачное наблюдение: мир Гомера потому и

¹³ Мы не стали устранять подобные удвоения синонимов, принятые во многих произведениях античной и средневековой литературы (напр.: «и умер, и скончался»), хотя оно и выглядит достаточно нелепо в современной научно-популярной работе. – *Примеч. пер.*

бессмертен, что существовал лишь в богатом воображении целых поколений поэтов, пять столетий после 1200 г. до н.э. творивших и оттачивавших до совершенства формульную устную традицию. А затем – было ли это достижением одного гениального поэта, впоследствии прославившегося под именем Гомера (или двух таких гениев?) – элементы этой многообильной традиции выкристаллизовались в две несравненные монументальные эпические поэмы с четко оформившимся сюжетом. Целых семь греческих городов боролись впоследствии за право считаться родиной Гомера, однако не подлежит сомнению лишь то, что этот поэт (или поэты) был родом из Малой Азии. Ибо именно оттуда, из ионийского диалекта греческого, к вопросу о котором мы вернемся в пятой главе, Гомер более всего позаимствовал для своего искусственного языка, которым никогда не пользовались за рамками эпической традиции.

Вернемся от вымыслов к фактам. Ок. 1200 г. до н.э. богатые центры микенской греческой цивилизации постигла катастрофа (причины этого – несомненно, многочисленные – до сих пор остаются предметом споров). С XI по IX столетие до н.э. последовало время «темных веков» в истории Греции. Они являются для нас «темными» не в последнюю очередь потому, что отсутствовала письменность – за исключением Кипра, где продолжало использоваться слоговое письмо, восходящее к «линейному письму Б». Однако они «темные» и в объективном смысле, поскольку в ту эпоху число поселений уменьшилось, там проживало куда меньше людей, которые были рассеяны на более обширных пространствах и в техническом отношении сильно отставали от предшественников. Конечно, существовали и отдельные исключения, среди которых наиболее известно поселение Левканди на острове Эвбея. И одним из предвестников более радостного будущего стал переход от бронзы к железу при изготовлении важнейших видов острых инструментов. Но в целом царил тьма. «Линейное письмо Б» отмерло само вместе с иерархической общественно-политической структурой, неотъемлемым атрибутом которой она являлась. Сами Микены, подобно Кноссу, в физическом смысле дожили до исторического периода, несмотря на неоднократные разрушения, но они были лишь тенью того, чем являлись во времена бронзового века. В нижнем городе современного Тиринфа, расположенном недалеко от Микен и Аргоса (см. третью главу), по воле судьбы сохранились жалкие и убогие остатки жилищ последворцовых времен упадка, которые выглядят, пожалуй, даже лучше, чем аналогичные постройки в Микенах.

Мощь Микен, как ее описывает Гомер, может показаться нам весьма впечатляющей, однако стоит пожалеть бедных микенцев, обитателей города уже исторической эпохи, после бронзового века, которые слушали бесконечные эпические рецитации, напрасно надеясь, что хотя бы малая часть Агамемноновой ауры снизойдет на них, если они будут часто и усердно молиться в Агамемнонейоне, храме героизированного Агамемнона, или святилище другого мифологического персонажа, Персея. (От этого святилища дошла капитель с надписью, датированной примерно 525 г. до н.э., – ныне она находится в Афинском музее эпиграфики; некоторые сокровища из царского дворца в Микенах сейчас хранятся рядом с ним, в Национальном археологическом музее.) Однако немного проку – надеяться вопреки надежде, как мог бы сказать микенцам беотийский поэт Гесиод, живший ок. 700 г. до н.э.¹⁴, во времена, когда завершалось формирование гомеровского эпоса.

Считается, что его поэзия наряду с гомеровской лежит в основе свойственных классической Греции представлений об облике богов и богинь, их функциях и сфере деятельности. В особенности это касается «Теогонии» – генеалогии божеств, но также и другой выдающейся поэмы – «Труды и дни». Последняя во многом являет собой календарь крестьянина, но, кроме того, содержит важные сведения из области политики и религии. В этом произведении, написанном гекзаметром, как и поэмы Гомера, Гесиод излагает миф о Пандоре

¹⁴ См. Гесиод. Труды и дни: 500–501: «Трудно тому бедняку, кто в корчмах заседает, надеждой / Тешиться доброй, когда он и хлеба куска не имеет» (Пер. В.В. Вересаева). – *Примеч. пер.*

(«всеми одаренной»), первой женщине, подобии Евы у древних греков, созданной Зевсом и другими богами и богинями и посланной на Землю, чтобы наказать погрязших в пороках людей за их гордыню. Чрезмерно любопытная (классический недостаток «женской» природы, как полагали шовинистически настроенные мужчины-греки), она открыла большой сосуд (пифос), содержащий зло и благо. Так что именно из-за нее (а ведь она является аллегорическим воплощением всего женского племени) жизнь несчастных смертных оказалась навеки отравлена злом. Лишь одно качество осталось накрепко запертым в пифосе, когда ей наконец удалось вновь закрыть его, и глубока была его двойственность: то была *Elpis* – «Надежда», или «Ожидание».

Надежды микенцев исторического периода на славное будущее – или хоть на какое-то вообще – для своего маленького города поддержало то, что его название среди прочих было начертано на Змеиной колонне – памятнике, воздвигнутом греками в честь совместной победы во время персидского вторжения 480–479 гг. до н.э. (подробности см. в Приложении ниже). Однако ожиданиям не суждено было сбыться. В 468 г. до н.э. Аргос просто уничтожил Микены, прервав существование маленького полиса на достаточно длительное время (далеко не единственный случай в истории Древней Греции).

Когда десятилетием позднее Эсхил занялся написанием, а затем поставил на сцене драматическую трилогию «Орестея» («Агамемнон», «Клятва у гроба» и «Эвмениды»), он многозначительно локализовал дворец и местопребывание Агамемнона из традиционных гомеровских Микен во вполне исторический Аргос, который, как это случилось – или не случилось, – в то время состоял в союзе с его родными Афинами против общего врага – Спарты. Геродот в самом начале своей «Истории» утверждал как своего рода непреложный закон, что города, которые некогда были большими, позднее становятся малыми: он мог думать – и, вероятно, думал – именно о судьбе Микен¹⁵.

---

¹⁵ «Ведь много когда-то великих городов теперь стали малыми, а те, что в мое время были могущественными, прежде были ничтожны» (Геродот. История. I. 5. Пер. Г.А. Стратановского). – *Примеч. пер.*

Часть вторая

Раннеисторический период (до 500 г. До н.э.): «Темные века» и архаика

Глава 3

Аргос

Здесь, в Аргосе, подушкой мне служила земля, а широкие просторы мира – жилищем... и влажные испарения ночи окутывали жесткое и негостеприимное место моего отдохновения.

Уильям Лизгоу. Исчерпывающий рассказ о редкостных приключениях и нелегких паломничествах, 1632

Период поздней бронзы в Греции, как мы видели в последней главе, носит условное наименование микенского. Однако в принципе он мог бы называться аргосским, ахейским или данайским, поскольку Гомер называет греков аргивянами¹⁶, ахейцами и данайцами. Это было время, когда слово «эллины» не стало общим обозначением для них, ведь под Элладой первоначально подразумевалась совсем небольшая область на севере Греции. Поскольку она располагалась в центре и сама по себе политическим значением не обладала, ее название было очень удобно распространить на весь греческий мир. Понятие «панэллинский» (общегреческий) впервые засвидетельствовано применительно к VII в. до н.э. и использовалось для обозначения того, что позднее стало называться просто «эллинским». Так что представление об «эллинстве», эллинском этносе распространялось достаточно медленно, в течение нескольких столетий, в течение периода «темных веков» и архаики.

Однако, назвав микенский период в истории Греции аргосским, мы рисковали бы допустить серьезную путаницу с городом Аргосом, расположенным в нескольких километрах к югу от Микен и господствующим над двумя холмами, Ларисса и Аспид («Щит»). Если Микены прячутся или таятся между двумя горами, скрываясь от случайных взглядов, то Аргос гордо возвышается на вершине Лариссы, а его акрополь хорошо виден с окружающей его плодородной равнины, одной из самых обширных и изобильных во всей материковой Греции. (В наши дни она отведена под апельсины, завезенные из Юго-Восточной Азии, во времена же древности здесь выращивали по преимуществу зерно, оливки и виноград.) Некоторые центры материковой Греции сохранили преемственность обитания при переходе от бронзового века к железному и сравнительно быстро выросли из непроглядного мрака «темных веков»; среди наиболее важных таких центров был Аргос, извлекая пользу из упадка крупных региональных соперников, Микен и Тиринфа.

Этот город мог похвалиться тем, что дольше всех в Греции существовал на одном и том же месте, однако протогород Аргос, возникший в XI столетии до н.э., в эпоху «темных веков», был, по сути, новым. Он был новым не в архитектурном или топографическом, но в этническом отношении: вошедшие в силу представители новых языковых групп греков, которые называли себя дорийцами (их традиционно считают пришельцами из Центральной Греции), превратили Аргос в один из своих трех крупнейших центров на Пелопоннесе; двумя другими были Спарта и Мессена. На юге дорийцы распространились до самого Крита, так что Кносс исторической эпохи стал дорийским городом, основанным, возможно, выход-

---

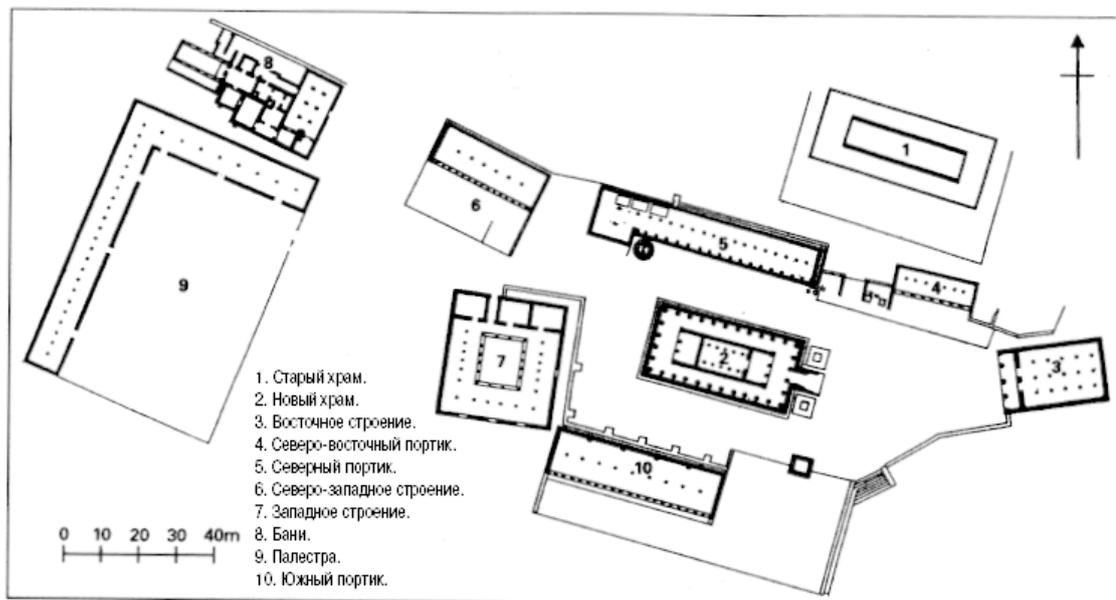
¹⁶ То есть жителями Аргоса. – Примеч. пер.

цами из Аргоса, а из Южной Греции они, пересекши Эгейское море, достигли современной Юго-Западной Турции (в частности, Галикарнасса – родины Геродота) и греческих прибрежных островов – таких, например, как Родос. Чтобы продвигаться на восток, они должны были преодолевать Эгейское море, очевидно, «перепрыгивая» с одного острова на другой. Но прибыли они на Пелопоннес морем или двигались по суше, это другой вопрос, на который невозможно дать ответ. Как бы там ни было, позднейший дорийский миф о переселении сохранил память о предполагаемой переправе через Коринфский залив в его самом узком месте на плотках от Антириона к Риону, это подразумевает, что в противном случае им пришлось бы идти по суше из Северо-Западной и Центральной Греции на северо-запад Пелопоннеса. Эта легенда при определенной изобретательности совместима с теми скудными находками, которые мы имеем из соответствующего ареала за время «темных веков» (с XI по X в. до н.э.).

Однако если говорить об археологических данных, в целом этих дорийцев весьма трудно «привязать» к какой-либо территории – настолько трудно, что, учитывая отсутствие однозначно «дорийских» черт материальной культуры, не допускающих иного толкования, самое существование какой бы то ни было миграции в постмикенскую эпоху, а тем более вторжения, решительно отрицалось. Этой скептической точке зрения следует противопоставить прежде всего такое свидетельство, как языковые данные. Даже если Джон Чедвик был прав, находя формы протодорийского диалекта на табличках «линейного письма Б», завершение формирования дорийского диалекта как языка исторических греков, равно и ионийского (см. в следующей главе), согласно общему мнению, произошло во времена, наступившие после бронзового века, в начале железного века. Простейшая гипотеза, объясняющая это обстоятельство, состоит в том, что носители протодорийского диалекта покинули Северную Грецию (Фессалию?). Этот диалект впоследствии, по мере того как ранние дорийцы расселялись отдельными, зачастую противостоявшими друг другу общинами, превратился в ряд вариантов субстрата общего диалекта, причем аргосский отличался от лаконского (спартанского) и так далее.

Геродот в занятом, но совершенно умозрительном рассуждении о семи этнических группах, населявших Пелопоннес в его дни, говорит о кинуриях, которые занимали окраинную территорию на границе между аргосской и спартанской сферами влияния, следующее: «Кинурии принадлежат к числу коренных жителей. Это, по-видимому, единственное ионийское племя на Пелопоннесе. Со временем, будучи под властью аргосцев, они превратились в дорийцев»¹⁷.

¹⁷ Геродот. История. VIII. 73. Пер. Г.А. Страгановского с небольшими изменениями.

Рис. 2. Аргос – аргосский Герайон

Доризация означала, помимо общего диалекта, сходство определенных институтов (три одинаково называвшихся «племена», чье родство, однако, было мнимым) и религиозных обычаев (ежегодные празднества в честь Аполлона Карнейского). Аргосские дорийцы, чтобы отличаться от дорийской Мессены с ее культом Артемиды и дорийской Спарты с ее культом Афины, выбрал своей богиней-покровительницей Геру, сестру и жену самого верховного владыки Зевса. Ее главное святилище, аргосский Герайон (рис. 2), размещался на расстоянии примерно 9 километров от центра города, где находился акрополь, и существует весьма правдоподобная точка зрения, согласно которой преднамеренно созданная и поддерживавшаяся связь между загородным святилищем и центральным поселением на Лариссе и вокруг нее позволяет объяснить то, что Аргос с самого начала начал развиваться как полис. Наиболее знаменитый миф, связанный с Герайоном, повествует о братьях Клеобисе и Битоне. Когда быки, которые должны были отвезти их мать-жрицу на празднество, стали запаздывать, юноши сами впряглись вместо животных и доставили родительницу в святилище вовремя. Она стала молить Геру, чтобы та достойно вознаградила их за их сыновнюю преданность, после чего те тотчас заснули вечным сном. Некоторые ученые считают две мраморные в человеческий рост статуи молодых людей, датируемые началом VI в. до н.э., изображением Клеобиса и Битона (не подлинным, конечно). Однако они являлись посвящением Аполлону Дельфийскому, и другие их идентификации столь же или даже более вероятны. Мрамор, использованный для этих скульптур, добыт на острове Парос, где, как считалось, находятся месторождения самого лучшего и беспримесного мрамора, и полагали, что в среднем для изготовления статуи из этого материала в человеческий рост требовался год.

Однако в течение VIII в. до н.э. еще весьма значительная часть Аргосской равнины все больше и больше переходила в руки экспансионистов-аргивян, и Аргос *de facto* установил (как верно указывает Геродот в отношении кинуриев) гегемонию над большей частью области, известной как Арголида, включая и крупнейшие центры бронзового века Микены и Тиринф. В процессе установления этого господства периодически терпели поражения и даже изгонялись менее сильные соседи, такие как жители Асины на побережье, их место занимали переселенцы из метрополии: это представляло собой форму внутренней колонизации, которая во многом позволяла устранять необходимость для Аргоса выведение колоний за морем. В этом отличие от эмиграции из страдавшего от нехватки земли Коринфа, которую

он вынужден был практиковать во второй половине VIII в. до н.э. (см. восьмую главу). Влияние на внешний мир оказывалось и другими, более мирными путями, посредством вывоза произведений искусства и умелых аргосских мастеров. И те, и другие были достаточно многочисленны, особенно если говорить о множестве посвященных бронзовых и терракотовых фигурок животных и людей в месте, которому суждено было стать одним из эпицентров этнического взаимодействия греков и развития общегреческой идеи: межполисного, «международного» святилища Зевса Олимпийского, располагавшегося на северо-востоке Пелопоннеса, древней Олимпии (см. Приложение).

Ранний Аргос находился под управлением своего рода царей, по большей части неизвестных, если не считать блистательного Фидона, наследственного монарха, о котором Аристотель достаточно странно говорит, что тот «превратился в тирана». К несчастью, датировки здесь весьма ненадежны (они колеблются от VIII до VI в. до н.э.), но соблазнительно связать его имя с ростом численности населения и благосостояния в конце VIII – начале VII в. до н.э., подтвержденным увеличением количества роскошных погребений одно другого богаче, которые были обнаружены в Аргосе и его окрестностях (материалы раскопок опубликованы греческими и французскими археологами), и успешными военными предприятиями, среди прочего крупной победой над Спартой при Гисиях (в Кинурии на юго-восточной границе Арголиды), традиционно датируемой 669 г. до н.э. Это знаменовало собой вершину военного могущества Аргоса в исторические времена, и никогда более Аргос не наносил Спарте поражение в битве.

Одно из богатейших погребений позднегеометрического периода было, собственно, погребением воина, семья которого дала понять это, положив в могилу среди прочих предметов великолепный шлем, украшенный гребнем, и даже еще более великолепный бронзовый панцирь, а также многочисленные железные вертела, чтобы жарить жертвенных животных (а не людей). Все это скопление являет собой своего рода капсулу времени, фиксирующую состояние военного дела в наиболее развитых областях Южной Греции в последней четверти VIII в. до н.э. С одной стороны, шлем с высоким длинным гребнем хорошо смотрелся бы на головах могучих воинов, изображенных в гомеровской «Илиаде», вполне подходя для боя на больших дистанциях, поединков с метанием копий, участие в которых своих героев любит описывать Гомер. Однако такие шлемы совершенно не подходили для сражений массы воинов в сомкнутом строю – об этом говорят изображения на вазах и другие находки оружия и доспехов той поры, – которые стали нормой для наиболее агрессивных полисов того времени, страдавших от нехватки земли. С другой стороны, сделанный целиком из бронзы панцирь нашего аргосского героя ясно свидетельствует о прогрессе технологий и о том, что более всего внимания уделялось защите тела и что с точки зрения тактики в бою предпочтительнее считалась оборона, а не нападение.

Описывая эту коллекцию предметов из погребения, мы, однако, еще ничего не сказали о главном элементе снаряжения греческого пехотинца, а именно о его щите. Ибо слово «гоплиты», *hoplites*, можно почти с полной уверенностью считать происходящим от *hoplon*. Щит был также известен под названием аргивского – вероятно, потому, что изобрели в Аргосе или там сконструировали первый несомненно удачный и заслуживший наибольшую популярность вариант. Где-то между 750 и 650 гг. до н.э. сложился новый способ ведения боя, получивший наименование гоплитского, который больше не зависел от «героической» доблести отдельных воителей, и есть определенные основания подозревать, что Фидон имел самое непосредственное отношение к этим процессам. Но чтобы получить более полное представление об этом новом повороте в греческой истории, мы должны подождать до главы о Спарте (глава седьмая).

Глава 4 Милет

*Ликией ты, повелитель, владеешь,
Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом,
желаемым всеми...*

*Гомер. К Аполлону Дельфийскому (Пер. В. В.
Вересаева)*

Так начинается вторая часть первого гомеровского гимна к Аполлону, одного из тридцати трех поэтических гимнов, составленных преимущественно в VII–VI вв. до н.э. Они начинаются с обращения к Дионису, затем перед нами проходит весь пантеон олимпийских богов во главе с Зевсом и несколько не олимпийских божеств, таких, как, например, девять Муз, и заканчивается вторым гимном к Кастору и Поллуксу¹⁸, Диоскурам, которые, как мы увидим, имели особую связь со Спартой. То важное место, которое отведено Милету в гимне, где упоминается значительная часть греческого мира к востоку от Адриатического моря и в повествование включены греческие эквиваленты рая и ада, свидетельствует о выдающемся значении этого города на раннем этапе греческой истории. Он играл важную роль не только в собственном краю Эллады, называемом Ионией¹⁹, примерно в центре эгейского побережья Восточной Анатолии. (Ликия, лежавшая к югу от Ионии, и Меония – обычно это считается другим названием области, более известной как Лидия, – строго к востоку, были поначалу скорее негреческими, нежели греческими.) Однако, помимо прочего, влияние Милета распространялось вглубь и вширь еще и благодаря его участию даже не в одном, а в двух этапах греческой эмиграции и колонизации. Знаменательное упоминание о нем в гомеровском гимне, содержащееся в той его части, которая посвящена Аполлону Дельфийскому, вряд ли появилось здесь случайно, поскольку Аполлон Дельфийский в отличие от Аполлона Делосского, чествуемого в первой части, был божественным покровителем греческой колонизации, – мощная волна ее, которая поднялась в середине VIII в. до н.э., продолжалась примерно до середины VI в. до н.э. – наиболее важная из греческих диаспор («диаспора» по-гречески «рассеяние») до завоеваний Александра Великого в Азии и Северной Африке в 330–320-х гг. до н.э.

Место, на котором вырос Милет, было заселено задолго до VIII столетия до н.э. Уже в преесторические времена бронзового века минойцы с Крита и в особенности микенские греки с материка серьезно обозначили здесь свое присутствие, и есть основания предполагать, что место, которое в хеттских текстах XIII в. до н.э. именуется Миллавандой, расположенной в сфере влияния Аххиявы (Ахайи?), является городом, известным в историческое время как Милет. Затем после катаклизмов, которые затронули эту часть Средиземноморья в первые десятилетия XII в. до н.э., они оказались в самой гуще движения греков из материковой Греции на восток через Эгейское море в Малую Азию в XII и XI столетиях до н.э. Историки обычно называют эти процессы ионийской миграцией – ионийской потому, что эти края, известные как «Иония» (первоначально «Иавония»), притягивали к себе переселенцев, хотя другие двинулись намного дальше, на востоке – до самого Кипра, и поскольку

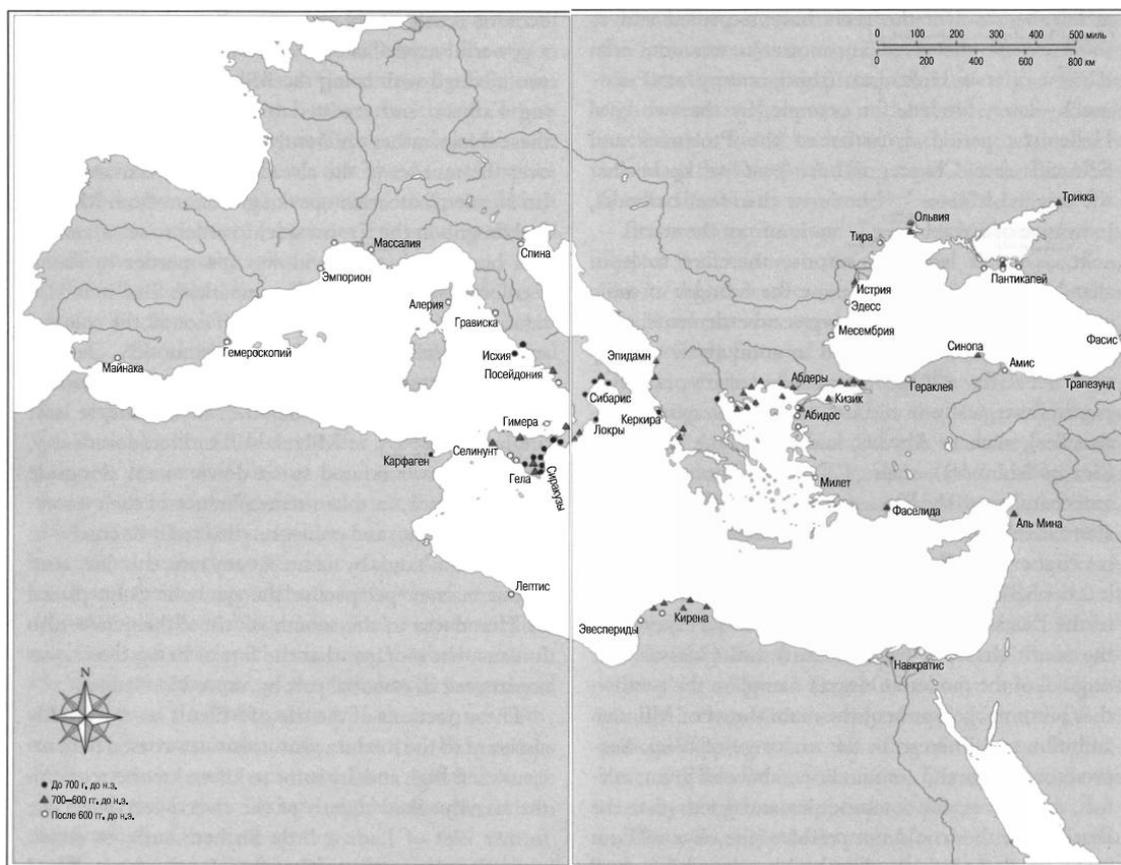
---

¹⁸ Греки называли его Полидевком. Поллукс – латинский вариант этого имени. – *Примеч. пер.*

¹⁹ В отечественной науке Иония и вообще малоазийские области считаются частью не собственно Эллады, а греческого мира. – *Примеч. пер.*

сформировавшийся диалект греческого языка стал называться ионийским. Слово «миграция» используется для того, чтобы отличить этот процесс от «колониационного» движения, о котором шла речь в конце предыдущего абзаца.

В сущности, термин «ионийский» имеет еще третье измерение и значение: поскольку негреческие народы, такие как ассирийцы, финикийцы и иудеи, имели дело в основном с греками, говорившими на ионийском диалекте, то общепринятым на востоке обозначением для всех эллинов стало именно слово «ионийцы» – «яван» в древнееврейском, например (и до сих пор в персидском). В будущем это обещало стать нелегким бременем, но ионийцы, и не в последнюю очередь милетяне, великолепно продемонстрировали, что им вполне по силам нести его. Действительно, именно они – обитатели анатолийского побережья и их соплеменники в материковой Греции (например, жители острова Эвбея) – стали теми, кто наиболее полно использовал и развивал наследие Востока: в том, что касалось, например, алфавита, позаимствованного от ливанских финикийцев и затем измененного; математики, позаимствованной от вавилонян (на юге Ирака, говоря современными терминами); монетного дела, позаимствованного от их лидийских соседей в первой половине VI в. до н.э.

Карта №3. Греческая колонизация

Из двенадцати греческих городов, составлявших азиатскую ветвь ионийцев, Милет находился южнее остальных и имел насыщенную мифологическую историю. Некий Нелей, «сын Кодра», как считалось, был милетским ойкистом (отцом-основателем), и считалось также – древние греки смотрели на эти вещи иначе, чем мы, – организатором убийства уже проживавших там карийских мужчин (у Гомера «говорящие по-варварски» карийцы из Милета сражаются на стороне троянцев), чтобы завладеть их вдовами, жениться на них и завести потомство. Высказывалось правдоподобное предположение, что это было убийство с целью основания колонии. Однако можно утверждать, что в жилах каждого милетянина, оказывавшегося в большинстве, если не во всех районах греческой колонизации от Фасиса

в современной Грузии до восточного побережья Испании, текло сколько-то негреческой крови, по крайней мере поначалу. Действительно, в Милете еще во времена Геродота, как утверждают, женщины отказывались садиться рядом со своими мужьями для трапезы, движимые воспоминаниями о позоре своих прародительниц, и даже – неужели в такое можно поверить? – называть своих супругов по именам. Во всяком случае, это позволяет лучше понять, в какой степени соответствовали истине заявления афинян, вложенные в их уста Геродотом, о том, кто и насколько является эллином, определяется «родством по крови»²⁰.

Привлекательность местонахождения Милета отнюдь не очевидна для тех, кто видит его сегодня. Когда-то находившийся на побережье Милет оказался теперь гораздо выше и в глубине материка, в нескольких километрах от засорившегося устья реки Меандр (бывший островок Лада, находившийся немного южнее – мы еще вернемся к нему в конце этой главы, – постигла та же участь). Однако в результате раскопок, в течение нескольких лет проводившихся турецкими и германскими археологами, удалось обнаружить и сделать доступным взору огромное количество объектов города, пусть большинство их и эллинистического периода (III в. до н.э.) или и того более позднего времени, чье строительство финансировалось, например, двумя соперничавшими династиями – Птолемеев и Селевкидов (см. десятую главу). По крайней мере нам известно, что Милет со времени основания имел четыре гавани, что свидетельствует о его изначальной ориентированности на торговлю.

В свете сказанного представляется не столь удивительным, что Милет оказался основателем огромного количества заморских поселений, даже если число «девяносто», называвшееся в античности, выглядит сомнительным. Некоторые из них, бесспорно существовавшие, находились на берегах стратегически важного Геллеспонта (Дарданелл) и рядом с ним – такие, как Абидос, и Пропонтиды (Мраморное море) – такие, как Кизик. Возникли также форпосты на Черном море, которое греки называли также Понтом Аксинским («негостеприимным») или эвфемистически Евксинским («гостеприимным»). И милетские поселения действительно появились на черноморском побережье – в частности, Синоп и Трапезунд на южном побережье, Ольвия (Березань) и Одесс (отсюда название современной Одессы) на северном – надо думать, результат честолюбивых помыслов и интересов милетян: в обмен на блага и выгоды, которые можно было получить в Северном Причерноморье, прежде всего зерно, соленую рыбу и рабов, блага и выгоды, которых эти края не могли произвести (оливки не растут на северных берегах этого моря) или производили худшего качества (красивая расписная керамика). Надежно датированные археологические свидетельства о стационарных поселениях относятся к концу VII в. до н.э., однако не исключены и гораздо более ранние посещения греками этих краев, возможно, где-то в конце VIII в. до н.э. Предметы греческого импорта, относящиеся к более позднему периоду – VI в. до н.э., обнаружены на расстоянии до 250 км вверх по течению Днепра и Южного Буга, но греки, обитавшие в Причерноморье, селились исключительно на побережье.

Пока рассуждения о дальних плаваниях отважных милетян не завели нас слишком далеко, необходимо напомнить о том, что Византий, подобно его «близнецу» Халкедону (совр. Кадыкой), основанному лишь немногим ранее на противоположном берегу Боспорского пролива, был основан выходцами из Мегар – города в центральной материковой Греции, который также обозначил свое присутствие на востоке Сицилии задолго до 700 г. до н.э., построив там Мегары Гиблейские. Что же касается мест более близких к метрополии, то общее для двенадцати городов святилище Панионий («Всеионийское») находилось на территории, принадлежавшей не Милету, а Приене. Однако сам по себе этот факт свидетельствовал о верховенстве Милета, поскольку одной из составляющих религиозной политики эллинов являлось размещение важнейших общегреческих святилищ на землях поли-

²⁰ См. приводившуюся выше цитату из «Истории» (VIII. 144). – *Примеч. пер.*

сов, не слишком важных в политическом отношении, – так, если говорить о Балканах, в качестве наглядного примера можно привести Дельфийскую амфикионию, или религиозный союз многих народностей Центральной Греции, но то же касается местонахождения самого панэллинского из панэллинских святилищ – Олимпии, располагавшейся на территории Элиды (см. Приложение в конце книги).

В более ранние времена своего существования Милет входил в число не только самых процветающих городов архаической Греции, но и наиболее развитых в культурном отношении, а население его отличалось особой предприимчивостью. Его культурные связи простирались, как упоминалось выше, до самой Вавилонии (Месопотамии) на востоке и к концу VII в. до н.э. охватили дельту Нила на юге, где милетяне участвовали в основании транзитного пункта – Навкратиса и построили храм в честь своего божественного покровителя – Аполлона. (Возможно, именно благодаря этой колонии западный мир впервые услышал о пирамидах и так называемых обелисках: для греков слово «пирамида» означало род булочки, а «обелиск» – маленький вертел. То были слова из солдатского лексикона!) В начале VI в. до н.э. обретает известность первый интеллектуал западного мира – Фалес Милетский. (Леонардо в миниатюре, среди предполагаемых достижений которого было и легендарное, а может, и действительное предсказание солнечного затмения 585 г. до н.э.) В течение VI столетия до н.э. появляется целая плеяда мыслителей-новаторов – из их числа особо выделяются натурфилософы Анаксимандр и Анаксимен, логограф²¹ Гекатей. Именно здесь незадолго до 500 г. до н.э. появился на свет Гипподам, по имени которого называется планомерная застройка улицами, пересекавшимися под прямым углом. В действительности же существуют свидетельства о такой застройке городов за пределами греческого мира применительно к более раннему времени, однако еще важнее отметить, что сам Милет имел подобную планировку до рождения Гипподама. Потому высказывалась точка зрения, согласно которой эта идея впервые нашла воплощение в одном или нескольких городах, основанных милетянами, а затем была «реэкспортирована» в метрополию и получила широкую известность под названием системы Гипподама, а сам он (это наиболее яркий эпизод в его деятельности) перепланировал в соответствии с ней афинский порт Пирей примерно в 470-х гг. до н.э. или несколько позднее.

Иначе обстояло дело с политикой. Имеются свидетельства, что приблизительно в 600 г. до н.э. Милет оказался под властью тирана Фрасибула. Слово «тиран» (греческое *tyrannos*) – вероятно, не греческого, а лидийского происхождения. Заимствование этого слова могло быть связано с первым лидийским царем Гигесом, который захватил власть в Сардах в начале VII в. до н.э. и правил там, скорее опираясь на силу, нежели на законные основания. Частичное представление о Фрасибуловой концепции власти можно получить исходя из того безмолвного совета, который он будто бы дал «коллеге»-тирану Периандру Коринфскому. Последний был сыном тирана Кипсела и нуждался в совете, как удержать, нежели захватить власть, и потому отправил посланца, чтобы выпросить у добившегося очевидных успехов Фрасибула о том, как тот этого достиг. Фрасибул, как говорят²², повел гонца к находившемуся неподалеку хлебному полю и начал сбивать наиболее высокие колосья, после чего отпустил его к Периандру. В Милете, однако, все равно происходили смуты, о чем свидетельствует третейский суд, проведенный примерно в 550 г. до н.э. виднейшими гражданами с обильного мрамором острова Парос, которых пригласили для завершения длительной распри между «богачами» и «работниками» из-за спорной земли²³. В итоге возникла компромиссная форма

²¹ В английском тексте – «протоисторик» (*proto-historian*). Логографами в современной исторической науке обычно называют историографов – предшественников, а отчасти и современников Геродота, преимущественно описывавших события, а не осмысливавших их. – *Примеч. пер.*

²² Рассказ об этом содержится у Геродота (V. 29). – *Примеч. пер.*

²³ В источниках последние названы «гергитами» (Афиней. XII. 524 a–b). – *Примеч. пер.*

правления – олигархия, при которой власть оказалась в руках всех наиболее состоятельных милетян, каков бы ни был источник их богатства, и которая обрела поддержку жреческой элиты.

Процветание Милета, его интеллектуальный подъем и само существование были внезапно прерваны персами в 494 г. до н.э. Отнюдь не первый раз Милет оказался во враждебных отношениях с иранской державой. Столетием раньше он пострадал из-за столкновения с Алиаттом, четвертым царем Лидии, столицей которой являлись Сарды, – страны, находившейся в глубине Малой Азии, к востоку от ионийского, но сильно ориентализированного Эфеса. Алиатт выдал дочь замуж за высокопоставленного мидянина, желая заслужить его расположение (или подстраховаться) в то время, когда мидяне добились превосходства над своими родичами из Северного Ирана – персами. Но в 550-е гг. до н.э. полумидянин-полуперс по имени Кир (на греческий лад его имя произносилось «Кюрос») изменил ситуацию на противоположную. Это произошло в ходе мощнейшего катаклизма – Ближний Восток не видел подобного со времен взлета Ассирийской империи IX и VIII вв. до н.э. Претендовавший на происхождение от перса по имени Ахемен (имя опять-таки дается в греческой транскрипции) Кир основал Персидскую империю Ахеменидов – наиболее обширную и наиболее быстро созданную империю на Ближнем Востоке за всю историю Древнего мира.

Немногим более десяти лет потребовалось Киру на то, чтобы, сперва объединив Иран и взяв его под контроль, распространить свою власть до Эгеиды на западе (или по крайней мере достичь ее). Он подчинил не только Лидию (где прежде правил царь Крез, знаменитый своим богатством настолько, что оно вошло в поговорку), но постепенно завладел и Ионией, и другими азиатскими греческими территориями. В 539 г. до н.э. Кир прибавил к ним Вавилонию (Северный Ирак), а затем двинулся дальше, на северо-восток, в Центральную Азию. В конечном итоге в основу империи оказалась положена система сатрапий, управлявшихся лицами, которые назначались из центра; всего их насчитывалось не менее двадцати. К 500 г. до н.э. империя протянулась от Египта и севера материковой Греции на западе до северо-запада Индии на востоке.

Основатель империи Кир встретил смерть, сражаясь с центральноазиатским племенем массагетов в 530 или 529 г. до н.э. Ему наследовал сын Камбиз, вскоре, в 525 г. до н.э., присоединивший к персидским владениям Египет. Однако правление Камбиза оборвалось (или было оборвано) всего через три года. Причиной стало либо убийство, либо суицид. Последовал период междуцарствия и узурпации, и многие народы, покоренные совсем недавно и слишком быстро, воспользовались открывшейся возможностью и попытались обрести независимость. Но им пришлось претерпеть новое унижение, пусть и не столь тяжкое: их попытки подавил твердой рукой дальний родственник Камбиза по имени Дарий. Последний сделал ловкий ход, женившись на дочери Камбиза Атоссе, и сохранил хотя бы видимость преемственности власти, оставшейся, таким образом, в руках потомков Ахеменидов.

К 520 г. до н.э. Дарий восстановил порядок в Персидской империи и значительно расширил ее – во многом благодаря мудрому водительству главы зороастрийского пантеона, бога света Ахура-Мазда. Дарий неустанно (и с гордостью) заявлял об этом во множестве текстов, распространявшихся в его владениях. Самая впечатляющая надпись (в которой он принижает себя более всего) находится в Бехистуне; она высечена на скале подле дороги, соединявшей Персию с древней мидийской столицей Экбатаны (Хамадан), и выполнена на трех языках: древнеперсидском, местном эламском и вавилонском. Для удобства тех, кто вообще не умел читать, – и тех, кому не хватило бы времени лезть на скалу (иными словами, для всеобщего удобства), – надпись дополнили серией массивных рельефов, изображающих торжествующего Дария в буквальном смысле под знаком Ахура-Мазды, у которого униженно просит пощады дюжина бунтовщиков – царей и вождей.

Среди этих побежденных не было ни одного грека, поскольку в конце 520-х гг. до н.э. греческие подданные Дария предпочитали не вмешиваться в гущу событий и вести себя тихо вне зависимости от того, какие чувства они испытывали, оказавшись под властью чужой империи. Однако через двадцать лет они предпочли принципиально иной выбор: население побережья Эгейского моря и Кипра также взбунтовалось. Это восстание обычно именуют Ионийским, но в действительности греки-эолийцы и дорийцы участвовали в нем наравне с греками и финикийцами, обитателями Кипра. Геродот негодует по поводу восстания вслед за Дельфийским оракулом (пусть и описывая события далекого прошлого):

В оное время и ты, о Милет, – зачинатель преступных деяний —
Многим во снедь ты пойдешь и даром станешь роскошным.
Многим тогда твои жены косматым ноги умоют.
Капище ж наше в Дидимах возьмут в попеченье другие²⁴.

И все же Дарию потребовалось шесть сезонов кампаний (они проводились летом, с 499 по 494 г. до н.э. включительно), чтобы подавить и сокрушить мятежных греков. Конец наступил в результате крупного морского сражения неподалеку от островка Лада, находившегося (в те времена) близ Милета. Город-зачинщик, Милет, ожидало примерное наказание без каких бы то ни было послаблений. Дарий распорядился в буквальном смысле уничтожить его, а часть населения, оставшуюся в живых, перевести в Ампу, в устье реки Тигр. Для афинян – ионийцев, как и милетяне, – падение города стало трагедией в нескольких смыслах слова: один из первых трагических поэтов, чье имя дошло до нас – Фриних, – примерно в 493 г. до н.э. поставил на сцене трагедию «Взятие Милета». С ним поступили совершенно в духе демократии – оштрафовали на огромную сумму за то, что он слишком живо напомнил афинянам об их горестях.

Но сделанное не удовлетворило Дария. Устроив настоящую демонстрацию религиозной мстительности и нетерпимости (случай нетипичный, но не единственный), он приказал уничтожить главное святилище Милета, находившееся в Дидимах и посвященное Аполлону, покровителю города. Важнейшая функция его (как и святилища Аполлона в Дельфах) состояла в том, что в этом месте можно было получить совет оракула. Дидимы лежали более чем в двадцати километрах к югу от Милета, однако с городом их связывала Священная дорога – так же, как Элевсин соединяла с Афинами наиболее знаменитая из таких дорог для религиозных процессий. С 600 г. до н.э., когда патронат над ним взяли египетские фараоны, Дидимы обогатились благодаря множеству дорогих (и подчас весьма дорогих) даров, в том числе золотых предметов, поднесенных лидийским царем Крезом, чье внимание к храму умело привлекала знатная жреческая фамилия, известная как Бранхиды, или потомки Бранха. Первое святилище на этом месте датируется еще VIII столетием до н.э., однако в 550-х гг. до н.э. Бранхиды смогли возвести здесь храм с ионическим орденом, по большей части гипетральный (под открытым небом), размером примерно 85 Ч 35 м, включая двойную окружающую его колоннаду из более чем ста колонн, каждая из которых имела тридцать шесть каннелюр. В 494 г. до н.э. это величественное, даже, можно сказать, помпезное сооружение прекратило свое существование, будучи разрушено персами, а самих Бранхидов переселили в Бактрию (на территории нынешнего Афганистана).

Не только людей постигала подобная участь. Как это вообще нередко делалось в древних империях Среднего Востока, в глубь персидской державы были перемещены в качестве военных трофеев и многие предметы. Чрезвычайно показательным трофеем подобного рода является простая массивная (весом в 93,7 килограмма) бронзовая гиря в форме астрагала

---

²⁴ Геродот. История. VI. 19. Пер. Г.А. Стратановского. – *Примеч. пер.*

(бабки) с вделанной в нее ручкой и надписью сверху. Можно только посочувствовать вьючным животным, которым пришлось тащить повозки с этим чудовищно тяжелым грузом на акрополь Суз в Южном Иране (главный административный центр Персии в эпоху Дария), где его случайно обнаружили много столетий спустя.

Милет, подобно другим выбранным нами для изложения городам (например, Фивам, см. девятую главу), достаточно быстро сумел восстановиться после учиненного над ним жестокого погрома. Во второй половине V в. до н.э. обновленный город стал играть важную роль (подчас оказываясь причиной раздора) в истории Афинской империи и в отношениях между Спартой и Афинами. Однако наиболее знаменитым (в хорошем или плохом смысле) человеком, родившимся в этот период в Милете, была Аспасия, хотя имя себе она сделала, переехав на постоянное жительство в Афины и став сначала партнером (не любовницей) Перикла, а затем другого видного деятеля афинской демократии, Лисикла. И не вина Аспасии, что ее ославили как распутницу и содержательницу публичного дома, каковой ее изобразил в карикатурном виде Аристофан.

Глава 5 Массалия

Образ правления, которого придерживаются массалиоты, – аристократический, и из всех аристократий массалиотская управляется лучше всего.

Страбон. География²⁵

Из «Восточной Греции» мы переместимся на запад – «золотой запад», каким он виделся многим в Древней Греции. Он простирался от Сицилии через Мессинский пролив к югу Италии (*Magna Graecia* – «Великая Греция» по-латински), югу Франции и восточному побережью Испании. Земли вдоль этого маршрута, который одним известен как *Midi*²⁶, другим – как побережье Прованса (от латинского *provincia*, поскольку это была провинция Римской империи *Gallia Narbonensis*, названная по имени своего главного города *Narbo*, нынешнего Нарбонна – *Narbonne*), казались греческим морякам, торговцам и потенциальным колонистам конца VII в. до н.э. девственным краем, созревшим для эксплуатации. Действительно, финикийцы из Ливана (прежде всего Тира и Сидона) прошли здесь несколькими столетиями ранее и оставили память о себе, в том числе, как мы вскоре увидим, и в топонимах. Другими посетителями здешних мест были этруски (с территории современной Тосканы). Но по какой-то причине ни те ни другие не остались здесь на постоянное жительство. Финикийцы же двинулись дальше, в Испанию и основали такие города, как Малага и Кадис. По мере своего продвижения они создали цепочку поселений на берегах Южного Средиземноморья, самыми крупными из которых стали Утика и Карфаген. Те поддерживали постоянные контакты с целой группой постоянно функционировавших форпостов – таких как Мотия и Панорм (позднее Палермо) на восточной оконечности острова Сицилия.

Тот факт, что ряд городов и поселений прибрежных районов Прованса был основан греками, выдают уже их названия: Антиб вначале назывался Антиполисом – «городом, лежащим напротив», а Ницца именовалась Никеей в честь греческой богини победы Ники. Но наибольший интерес представлял (и представляет) самый крупный из них – Марсель, первоначальное название которого, Массалия, не греческое, а финикийское, и означает всего-навсего «поселение». Около 600 г. до н.э. – как раз тогда, когда в Милете столь плодотворно работал Фалес, – группа греков из Фокеи (области в той самой Ионии, крупнейшим городом которой был Милет) решила обосноваться здесь навсегда. Это решение положило начало истории Марселя, и отчасти по «шовинистическим» причинам (ведь именно массалиот Пифей, один из полудюжины величайших исследователей земного шара, впервые – около 300 г. до н.э. – нанес на карту Британию), отчасти по веским историографическим основаниям я выбрал Массалию, чтобы представить читателю «западных греков». (Второй город, выбранный мной для этой цели, – Сиракузы.)

Значительно позже литературные источники зафиксировали красочный рассказ о смешанном браке между греками из Фокеи (современное поселение Фока в Западной Турции) и представителями местного кельтского племени лигуров. Главную роль здесь сыграл союз ойкиста (основателя) Протиса (или Эвксена) с лигурийской царевной по имени Гиптис (или Пета), дочерью царя Нанна. Это мифическое повествование – так же, как и, например, миф об основании Мегар Гиблейских на Сицилии, – использовалось, чтобы представить

---

²⁵ Страбон. География. IV. 1. 5. Обычно годы жизни Страбона датируются 64 – 63 гг. до н.э. – 23 – 24 гг. н.э. – Примеч. пер.

²⁶ Досл. «юг» (*фр.*).

греческую колонизацию как нечто «солнечное» и счастливое, как историю добровольного и плодотворного сотрудничества между гостеприимным местным населением и пришельцами-греками, с уважением относящимися к нему. В противоположность ей можно упомянуть неприглядные события в Таренте (Таранто), где греческим переселенцам, прибывшим из Спарты примерно в 700 г. до н.э., пришлось сражаться за свой новый дом с местными жителями, япигами; бои продолжались снова и снова, и грекам довелось пролить немало крови и не раз пожалеть о случившемся. Но насколько легенда об основании Массалии соответствует действительности – имя ойкиста передано в разных источниках по-разному, а упоминание о романтических чувствах было, разумеется, привнесено в описание династического брака, заключенного с дипломатической целью, позднее, с целью приукрасить его, – это другой вопрос, на который невозможно ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.